

Litera

Правильная ссылка на статью:

Микова С.С., Садури Х. Культурные коды Туниса в произведении Г. А. Махровой «Мой Тунис» // Litera. 2024. № 1. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.1.69716 EDN: LOXANR URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69716

Культурные коды Туниса в произведении Г. А. Махровой «Мой Тунис»

Микова Светлана Станиславовна

ORCID: 0000-0003-3874-7110

кандидат филологических наук

доцент, кафедра русского языка и методики его преподавания, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10 / 2

✉ mikova_ss@pfur.ru

Садури Хасанет

аспирант кафедры русского языка и методики его преподавания Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы

114198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10 / 2

✉ 1042215164@rudn.ru

[Статья из рубрики "Лингвокультурология"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.1.69716

EDN:

LOXANR

Дата направления статьи в редакцию:

26-01-2024

Дата публикации:

02-02-2024

Аннотация: Предметом настоящей статьи выступают языковые средства создания лингвокультурного образа Туниса в мемуарах Галины Александровны Махровой «Мой Тунис». Исследуемые языковые единицы рассматриваются как репрезентанты

лингвокультурных кодов Туниса – предметного, пространственного, биоморфного, временного, духовного. Под лингвокультурным кодом в статье понимается вербально реализованный код национальной культуры. Проанализированы функции таких языковых единиц, как лексика с национально-культурным компонентом (лексика тематических групп "Одежда", "Косметика", "Пища и напитки"), имена собственные (топонимы и антропонимы), прилагательные с цветовым компонентом, в пространстве русского художественного текста. Оценивается влияние языковой личности автора как представителя иной (русской) лингвокультуры и представителя определенной профессии (художник) на выбор языковых средств создания образа страны как одновременно своего и чужого пространства. Методы исследования: описательный метод, методы анализа и синтеза, лингвокультурологического анализа художественного текста, метод сплошной выборки языковых единиц с национально-культурным компонентом и метод компонентного анализа для выявления культурно-специфических сем их лексического значения. Новизна настоящего исследования связана с - материалом исследования (мемуары Г.А. Махровой), - предметом исследования (лингвокультурные коды Туниса исследуются в аспекте его восприятия носителем иной лингвокультуры, который ощущает себя частью и тунисской, и русской лингвокультур), - описанием лингвокультурного кода Туниса с учетом особенностей языковой личности автора текста: многие лингвокультурные детали Г.А. Махрова воспринимает по-особому, поскольку является профессиональным художником. Проанализированный языковой материал позволяет сделать следующие выводы: 1. В предметном коде Туниса особое значение имеют языковые единицы тематических групп «Одежда», «Косметика», «Пища и напитки». 2. Пространственный код представлен, в основном, топонимами, среди которых преобладают названия возвышенностей, а также пляжей и курортных городов. Среди имен собственных выделяется группа названий, связанных с историей Туниса, благодаря чему создается образ Туниса как страны с богатым прошлым, находящейся на перекрестке цивилизаций. 3. Фитонимический символ Туниса в произведении – жасмин. 4. Г.А. Махрова – профессиональный художник, в связи с чем значимую роль в создании образа Туниса играют прилагательные-цветообозначения. 5. С духовным кодом Туниса связаны имена божеств.

Ключевые слова:

лингвокультурология, лингвокультурный код, лингвокультурный образ, Тунис, Махрова Галина Александровна, соматический код, предметный код, духовный код, временной код, биоморфный код

Лингвокультурные коды Туниса в произведении Г. А. Махровой «Мой Тунис»

Введение

Мемуарные произведения – это, как известно, воспоминания участников или свидетелей тех или иных событий. Для мемуаров характерна не только документальная точность описываемых событий, но и эмоциональная оценка этих событий автором.

«Мой Тунис» - мемуарное произведение, созданное известной русской художницей-эмигранткой Г. А. Махровой. Повествуя о собственной жизни, она развивает в этом произведении две главные в её творчестве темы — судьбы русских эмигрантов и судьбы эмигрировавших художников. Вместе с тем на страницах повествования предстаёт образ Туниса. Само название произведения – «Мой Тунис» - акцентирует внимание читателя на

специфику восприятия страны автором: образ Туниса сочетает черты своего и чужого пространства. Важно, что автор произведения – профессиональный художник. Поэтому образ Туниса как страны создаётся, или, точнее сказать, рисуется автором при помощи лексики с цветовой семантикой.

Для воспроизведения национального колорита описываемой страны, а также исторических ретроспектив писательница, оставаясь при этом художником, всё время меняет ракурсы, позволяя читателю то восхититься масштабом страны, то всмотреться в ее отдельные, характерные для неё, детали – лингвокультурные коды. Французский русист Н. А. Струве, выступая на презентации только что изданной книги «Мой Тунис», заметил: «У Галины Махровой два дара. Первый художницы, с особой экспрессией проявившийся в акварелях, написанных в Тунисе, где краски богаче и ярче. Второй дар рассказчицы и мемуаристки. Без претензии, с большим человеческим тактом рассказывает она о простых и менее простых людях. С душевной и духовной пользой для читателя». [1].

Главный редактор журнал «Русский очевидец» в статье «Ты показываешь нам нашу страну» приводит объяснение выбранного способа повествования, которое Г. Махрова дала сама: «Я полюбила Тунис, который, как ни странно, напоминал мне Россию. Своими большими далями (неважно, снежные они или песчаные, морские), своим размахом ... Европа слишком мала по сравнению с российскими и африканскими масштабами. Я полюбила людей, живущих на той земле».

Сюжетообразующим стержнем простого и искреннего повествования в «Моём Тунисе» стала история семей моряков Черноморской эскадры, которые эвакуировались в Бизерту (самая северная точка африканского континента) в 1920-е годы, а судьбы русской эмиграции переплелись в этом художественном альбоме с тунисскими пейзажами художницы, подписывающей свои произведения именем Галина.

Культура в аспекте структурного и семиотического анализа представляет собой упорядоченную систему культурных кодов [2, с. 645], которые в произведениях словесного искусства проявляют себя в лингвокультурных кодах. Лингвокультурные коды отражают представления нации о материальном и духовном, особенности национального менталитета, систему оценок и ценностей [3, с. 48]. В научных трудах по филологии можно встретить разные интерпретации термина «лингвокультурный код». В нашей работе мы в толковании термина лингвокультурный код следуем В. В. Красных, считающей, что «это совокупность имён или их сочетаний, которые обладают, помимо собственно денотативного значения, культураносными смыслами» [4]. Это определение дополняет С.В. Иванова: «Лингвокультурный код представляет собой систему лингвокультурных соответствий, организованных согласно заложенной матрице, роль которой выполняет структурная организация языковой личности» [5]. В. М. Савицкий и Э.А. Гашимов в монографии «Лингвокультурный код (состав и функционирование)» утверждают, что «в качестве культурного кода может выступать практически любая чувственно воспринимаемая часть действительности: небесные тела, явления природы, флора, фауна, человеческое тело, предметы хозяйственного обихода, техника, оружие и т.д. и т.п.» [6].

Национальная специфика лингвокультурных кодов изучается в ряде работ на материале отдельных лингвокультур (например, на материале английской лингвокультуры исследуется флористический код [7], вещественный код [8], природный код [9], на

материале трех лингвокультур описывается зооморфный код Ф.Н. Гукетловой [10], на материале русской лингвокультуры анализируется кулинарный код Е.В. Капелюшник [11]. Специфика реализации культурного кода в художественной картине мира в рамках отдельного произведения, творчества отдельного автора и целого направления исследуется в литературоведческих работах (см., например, [12]).

Таким образом, исследование лингвокультурных кодов в художественном произведении, направленное на выявление их национальной специфики, представляется актуальным направлением научных изысканий.

Согласно классификации В. В. Красных [13], выделяются следующие коды культуры: соматический (телесный), пространственный, временной, предметный, биоморфный, духовный [см. также 14]. В одном тексте могут использоваться разные культурные коды, разные «языки культуры» [15, 16].

Рассмотрим, какие коды и посредством каких единиц реализуются в повествовании Г. А. Махровой о Тунисе для создания лингвокультурного образа этой страны.

1. Предметный код

В тексте Г.А. Махровой «Мой Тунис» представлены этнографические реалии, особенно многочисленна группа лексики тематических групп «Одежда» и «Косметика»: «Носила она **джеллабу** – самотканый тунисский балахон серо-черного цвета с откинутым капюшоном»; «Красные **фески** на головах грузчиков и носильщиков напомнили Кириллу его тунисское детство»; «Здесь же продают и **«коль»** – черную свинцовую пудру, в нее окунают деревянную или серебряную палочку, которой обводят веко (коль использовали для подкрашивания глаз еще в Древнем Египте)» [17]. Следует заметить, что толкование значения лексем с национально-культурным компонентом дано в тех же предложениях, что позволяет отнести данные лексемы к компонентам образа «чужого» пространства [18].

В рамках предметного кода особое место занимают кулинаронимы – наименования национальных блюд и напитков: «Джелал показывал свои работы, Латифа угощала **чаем**. Запомнилось, как хорош летом холодный **чай с веточкой мяты**» [17]. Для жителей арабских стран чай – символ гостеприимства; «Тунисцы не пользуются мелкими тарелками, свою повседневную пищу – **кус-кус** – они едят из чаш, напоминающих среднеазиатские пиалы [17]. «Таня почти всегда готовила только одно блюдо – **кус-кус** (национальное тунисское кушанье) или борщ с мясными пирогами [17]. «После работы он покупал у лавочника кусок мяса или курицу, овощи и варил **кус-кус**. К еде подавал местное красное вино» [17].

2. Пространственный код

В создании образа Туниса сложно обойтись без использования имён собственных: именно они способствуют проникновению читателя в незнакомый мир, отражают местный колорит, обладают яркой национальной культурной семантикой, так как их значение производно от истории и культуры народа – носителя языка. Имя собственное – есть граница, разделяющая универсальное и национально-специфическое [19].

В тексте Г. Махровой «Мой Тунис» имена собственные как средство создания лингвокультурного образа Туниса разнообразны по объекту наименования. Топонимы –

наиболее многочисленная категория. Среди них можно выделить наименования менее известных русскому читателю географических объектов, которые в большинстве случаев сопровождаются такими родовыми именами как «пляж», «город», «озеро», «река», «район». Родовые указания позволяют отнести данные единицы к компонентам «чужого» пространства: «С вечера мы на машинах уезжали в горы **Айн-Драхам**, ночевали в гостинице»; «Вид из их «гнезда» был необъятным: море, дикий пляж **Рауад**, соленое озеро **Шотт-эль-Риад**»; «На западе Туниса, недалеко от Алжирской границы, на скалистом берегу Средиземного моря находится курортный город **Табарка**»; «Над **Табаркой** высятся **Крумирские горы**»; «Самая северная точка Туниса (и всей Африки) – **Белый мыс**. Рядом с ним город **Бизерта**, бывший до 1963 г. военно-морской базой Французского флота»; «За лесом – несколько скалистых мысов в устье реки **Меджерды**»; «За Ля-Марса на скалистом уступе приютился самый, наверное, красивый городок – **Сиди-бу-Саид**, построенный из камня»; Стоял наш дом на улице **Эшмун**, за железной оградой; Мы ездили на дикий пляж **Рауад**, за Гаммарт, где никого не было и можно было купаться голышом ^[17]. // Красота: море, песчаный пляж, дюны, снова песок, грунтовая немощеная дорога, а за ней мелкое соленое озеро **Шотт-эль-Риад**, еще дальше какая-то растительность; Когда я смотрела с нашей террасы на Карфагенский залив, на гору **Бу-Корнин**, мне казалось, что мои корни уходят в глубь карфагенской земли, что я будто продолжение тех женщин, живших здесь до меня; Карфаген расположен на горке **Бирса**, где находился и наш дом; Не стану описывать римские города, театры, термы, спасавшие от летней жары подземные дворцы у подножия **Крумирских гор** – для этого существуют путеводители; «Большой Карфагенский (или Тунисский) залив кончается мысом **Бон**. За ним береговая линия поворачивает на юг. Здесь, на восточном побережье Туниса, находятся самые знаменитые курортные места: **Набель, Хаммамет, Сус, Керкенна, Джерба** ^[17]. Таким образом, в ландшафте выделяются горы и горки. Также реализуется компонент образа «Тунис – страна для отдыха»: пляжи и курортные города.

Богатое прошлое страны в составе Римской империи нашло отражение в описаниях памятников и городов: «Нам казалось, что всем непременно нужно побывать в расположенном неподалеку от столицы загородном дворце **Бардо**, где находится национальный музей **Алауи**, обладающий уникальной коллекцией римских мозаик. ^[17]. Традиции Туниса – это результат смешения различных культур: арабской, пунической, римской, турецкой, французской.

Лингвокультурными кодами, напоминающими читателям об этом, становятся имена собственные, подчёркивающие древность, экзотическую природу, историческую значимость, красоту и мощь Туниса: «За Ля-Марса на скалистом уступе приютился самый, наверное, красивый городок – **Сиди-бу-Саид**, построенный из камня»; «Он расположен на горе **Бирса** и весь утопает в зелени и цветах; «За **Карфагеном** плоское побережье тянется до Ля-Гулет (бывший порт); «Привлекаемые красотой **Сиди-бу-Саида**, здесь селились поэты, писатели, художники, кинематографисты»; «Это были прекрасные места: **Карфаген, Сиди-бу-Саид, Ля-Марса или Гаммарт** ^[17]; «Часто на месте древнеримских поселений или рядом с ними возникают тунисские деревни, дома здесь построены из остатков античных зданий ^[17]. Участвуя в моделировании ландшафтного образа Туниса, имена собственные выступают как культурные коды и напоминают читателю об особом положении страны, находящейся на перекрёстке древних цивилизаций.

Расположение Туниса в засушливом регионе и проблема нехватки воды повлияли на

восприятие воды как ценности: «Главным было то, что он начал поиски **воды** и, копая неподалеку от своего шалаша, докопался до **пресной воды**. Для мусульман, живущих в **жарких странах, пресная вода** играет огромную роль; тунисцы стали смотреть на Горчакова с почтением» [\[17\]](#).

3. Биоморфный код

Одним из фитонимических символов Туниса является жасмин. Небольшие букетики жасмина можно увидеть в этой стране повсюду: они украшают лавки, уличных торговцев и двери домов. Жители Туниса полагают, что именно этот цветок символизирует домашний уют, любовь и гармонию. Аромат жасмина у местных вызывает ассоциации со счастьем и теплом: «В городах северной части Туниса с весны до поздней осени собирают и вяжут **букетики из жасмина**. <...>. Маленькие продолговатые, белые чуть-чуть розовые, ещё не распустившиеся цветочки срывают и натыкают на сосновые иглы, образуя таким образом длинный стебель» [\[17\]](#).

Жасмин напоминает Г. А. Махровой о Тунисе, когда она покупает такие букетики в Париже. Подчеркивается, что это уникальный символ именно Туниса: «Это утончённое искусство для создания вечерней изысканности ни в какой другой африканской стране не существует» [\[17\]](#).

Особое значение в лингвокультурном образе Туниса имеют прилагательные с цветовым компонентом. Образ Туниса – пестрый, многоцветный, яркий, невозможно выделить доминирующие цвета: «За Сиди-бу-Саидом дорога среди красно-оранжевых **скал** спускается на пляж Амилькар»; «Небо **голубое**, стены **белые, оранжевые** апельсины на дереве с **зелеными** листьями, чуть дальше – **желтые** лимоны, зреющие круглый год, **розовые и красные** гибискусы, а в горшках цветущая герань...»; «За высокими **белыми** стенами угадываются сады: *эвкалипты, кипарисы, пальмы и бугенвиллии* **разнообразных** окрасок»; «Вид с террасы открывался такой, что трудно было оторвать взгляд: *зелень и цветы* нашего сада, дальше, к берегу, – другие виллы, окруженные *пальмами* и утопающие в зелени, еще дальше многоцветное море, то *синее*, то *розовое*»; «Все это пространство объединено тончайшим сочетанием красок: **голубое** небо, **красный** закат, **палевый** шотт, **розоватый** песок и **серо-синее** море»; «Над калиткой росла **сиреневая** бугенвиллия, правее – *ложная мимоза*, в саду – *апельсиновое дерево, араукария*, плодоносящее круглый год *лимонное дерево, олива, банановая пальма, дерево ложного перца*, обвитое вьющимся растением с **белыми** гроздьями цветов, вдоль стены дома – вьющиеся *розы*» [\[17\]](#).

Цветовая гамма работает на создание единого образа яркой экзотической страны.

4. Временной код

История Туниса уходит в глубокую древность. Чтобы подчеркнуть это, Г. Махрова использует слова, выступающие в контексте её произведения своеобразным лингвокультурным временным кодом, открывающим для читателя портал в далёкое прошлое. Так, подчеркивается связь Туниса с античной культурой. «Много чего можно найти в Карфагене после дождя: **античные** монеты, **римские** мраморные гири, обломки **римских** или **византийских** глиняных светильников»; «Поэтому здесь можно найти инталии (конечно, чаще ломаные, чем целые), бусинки и множество других обломков **античных** предметов; «Нигде я так не ощущала близость **античного** мира, как в Тунисе» [\[17\]](#).

Культура Туниса, исторически богатая и интересная, долгое время формировалась под влиянием различных цивилизаций, что нашло отражение и в архитектуре в том числе [20]. Причем слово «античный» употребляется не только в описании города, но и в передаче интерьера, предметов, манеры работы творческой личности, что свидетельствует о значимости античного периода в сознании тунисцев: «Повсюду расставлены **античные** белые колонки, барельефы, статуи, вазы»; «В больших окнах второго этажа виднелись **античные** вазы»; «Его произведения создают ощущение **античной** гармонии»; «Работает сломанным ножом, гвоздем и молотком, используя обломки **античных** камней и мрамора, которые в изобилии валяются вокруг» [17].

Использование лексики, представляющей собою временные лингвокультурные коды, отправляющие читателя к эпохе античности, способствует формированию образа Туниса как страны с богатой историей, жители которой гордятся ею, стремятся сохранить и передать потомкам.

5. Духовный код

Само слово «Тунис» в тексте Г. А. Махровой выступает в качестве кода, вызывающего у читателя базовые представления о культуре этой африканской страны.

Следует отметить, что среди слов, употребляющихся рядом с названием этой страны, часто встречается «независимость» или антонимичное ему. Это подчёркивает значимость обретения Тунисом суверенитета, путь к которому был долгим и трудным. Отражение этого мы видим в следующих примерах: «Когда Тунис **добился независимости**, многие европейцы уехали, и церковный хор распался»; «Как-то в конце **оккупации** Туниса немцы **захватили** в центральном «Кафе де Пари» всех европейцев, в том числе и Георгия Николаевича»; «Поскольку **независимость** Туниса породила множество беспризорных и сирот (их называли «детьми Бургибы»), правительство строило центры воспитания и перевоспитания этих детей»; «Поэтому к моменту обретения Тунисом **независимости** обнаружилось целое поколение художников национального направления, но впитавших в себя европейские традиции» [17].

Встречаются в тексте повествования **имена божеств**, которые также выступают как лингвокультурные коды, подчеркивающие богатую историю Туниса и расширяющие представления о культуре этой страны. Многие обычаи и традиции тунисцев и сегодня связаны именно с верой. Так, на страницах произведения мы читаем: «По преданию, именно здесь обитал грозный **бог Ваал**» [17]. Далее следует раскрытие сведений о божестве, которое известно представителям не всех культур. «Ваал, пунический бог, требовал не просто жертвоприношений, но маленьких детей (в Карфагене раскопали жертвенное кладбище: детские кости хранились в глиняных сосудах, поставленных вплотную друг к другу)» [17].

Среди компонентов духовного кода в произведении Г. А. Махровой закономерно выделяются лексемы, так или иначе относящиеся к тунисскому изобразительному искусству, которое является своеобразной визитной карточкой этой страны.

В тексте Г.А. Махровой упоминается «Тунисская школа», созданная группой художников, объединенных стремлением изображать, раскрывать, развивать национальные мотивы: «Это и была «**Тунисская школа**». Выставки художников этой школы каждый год официально и торжественно открывались в **SalonTunisien**» [17].

Кроме того, упоминаются некоторые имена собственные тунисских художников: «В эту

группу входили их наставники (Пьер Бержоль, Пьер Буршель) и представители старшего поколения: **Яхья Тюрки** (ученик Альберта Марке), **Али бен Салем и Хатим эль-Мекки** а также художники более молодого поколения: **Зубер Тюрки**, его брат **Хиди Тюрки**, **Амар Фархат**, **Джелал бен Абдалла**, **Али Беллага**, **Мохаммед Сехили**, **Абдельазиз Горжи»** [\[17\]](#).

Восприятие Туниса как части арабского Востока и арабской культуры подчеркнуто многочисленными словосочетаниями со прилагательным **«арабский»**: «дворец в **арабском** стиле», «старой **арабской** части», «**арабские** миниатюры», «подписываться по-арабски», «на последнем этаже **арабского** домика» [\[17\]](#).

Заключение

Проанализированный языковой материал дает возможность сделать вывод о том, что специфика лингвокультурного образа Туниса в произведении Г. А. Махровой «Мой Тунис» обусловлена, во-первых, тем, что писатель обладает видением живописца, и во-вторых, является представителем другой культуры.

Создание данного образа в произведении, написанном в жанре мемуарных записок, сопровождается использованием слов, отсылающих к лингвокультурным кодам. Благодаря воссозданию соматического, пространственного, временного, биоморфного, духовного кодов, перед читателем возникает образ страны с особым бытом и философией, страны, обладающей богатой и насыщенной историей и культурой, страны со своими традициями и обычаями, гостеприимной, красочной, с экзотической природой.

Библиография

1. Коровкина А. Ю. Модернизация и традиция в культурной перспективе современного Туниса. Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2015. №. 1. С. 91–97.
2. Romanova N. Cultural Code as a Unit of a Provincial Town's Cultural Life (on the example of the City of Murom, Vladimir Region. *Advances in Economics, Business and Management Research*. 2020. Vol. 128. P. 645-653.
3. Khudayberganova D. & Mukimova Z. Theory of Linguocultural Codes and Uzbek Proverbs. *Anglisticum*. Journal of the Association-Institute for English Language and American Studies. 2021. 10(7), pp.48–56.
4. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. – М.: Гнозис, 2002.
5. Иванова С. В. Лингвокультурологический аспект исследования языковых единиц. Диссертация на соискание ученой степени д. филол. н. Уфа, 2003. 364 с.
6. Савицкий В. М., Гашимов Э. А. Лингвокультурный код (состав и функционирование). Москва: Изд-во Московского городского педагогического ун-та, 2005.
7. Киреева И.И. Структурно-семантические и прагматические характеристики английского лингвокультурного кода «Флора». Автореф. дис. на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Самара, 2008.
8. Дукальская И.В. Семантические и прагматические характеристики английского лингвокультурного кода «артефакты». Автореф. дис. на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Самара, 2009.
9. Папшева А.В. Структурно-семантические и функциональные характеристики английского лингвокультурного кода "Природа". Автореферат дис. на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Самара, 2010.
10. Гукетлова Ф.Н. Зооморфный код культуры в языковой картине мира (на материале

- французского, кабардино-черкесского и русского языков). Автореф. дис. на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Москва, 2009.
11. Капелюшник Е.В. Кулинарный код культуры в семантике образных средств языка. Автореф. дис. на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Томск, 2012.
 12. Болдырева Т.В. Типология культурных кодов в драматургии Л.Н. Андреева. Автореф. дис. на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Самара, 2008.
 13. Красных В. В. Некоторые базовые понятия психолингвокультурологии (в развитие идей В. Н. Телия) // Язык, сознание, коммуникация. 2014. № 50. С. 167–175.
 14. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М.: Русский язык, 1990.
 15. Narziyeva G. The Essence of National-Cultural Code in Language. Oriental Renaissance: Innovative, Educational, Natural and social sciences. 2022. Vol. 2. Issue 11. P. 348-355.
 16. Myronova N. (2018). Linguocultural Code: Theoretical Basis of Research. Problems of Semantics, Pragmatics and Cognitive Linguistics. 2018. P. 13-15. Doi: 10.17721/2663-6530.2019.35.01.
 17. Махрова Г.А. Мой Тунис. М.: Русский путь, 2002.
 18. Розенкова Х. Е. Лингвокультурный код: определение, проблема классификации, роль в межкультурной коммуникации. Евразийский гуманитарный журнал. 2017. № 2. С. 101–104.
 19. Словарь социолингвистических терминов. Отв. ред.: В. Ю. Михальченко. М., 2006.
 20. Панова М. Галина Махрова – художник русского зарубежья в Тунисе // Азия и Африка сегодня. 2008. № 12 (616). С. 50–53

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Культурные коды Туниса в произведении Г. А. Махровой «Мой Тунис», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду обращения автора к специфике жанра мемуарных произведений и, собственно, к изучению особенностей вышеназванного произведения. «Мой Тунис» - мемуарное произведение, созданное известной русской художницей-эмигранткой Г. А. Махровой.

В работе автор обращается к изучению образа Туниса, который создаётся писателем при помощи лексики с цветовой семантикой. В исследовании автор отвечает на вопрос какие коды и посредством каких единиц реализуются в повествовании Г. А. Махровой о Тунисе для создания лингвокультурного образа этой страны, что определяет новизну рецензируемой работы.

Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие лингвокультурологии и лексикологии.

Статья является новаторской, одной из первых в российской филологии, посвященной исследованию подобной тематики в 21 веке. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой

гипотезы. В статье используются как общенаучные методы наблюдения и описания, так и общелингвистические методы а также методы дискурсивного и когнитивного анализа, семиотическая методика.

Все теоретические измышления автора подкреплены практическим языковым материалом из произведения. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что в вводной части слишком скудно представлен обзор разработанности проблематики в науке. Отметим, что заключение требует усиления, оно не отражает в полной мере задачи, поставленные автором и не содержит перспективы дальнейшего исследования в русле заявленной проблематики.

Библиография статьи насчитывает 20 источников, среди которых теоретические работы представлены как на русском, так и английском языках.

В ряде случаев нарушены требования ГОСТа к оформлению списка литературы, в части несоблюдения общепринятого алфавитного выстраивания цитируемых трудов, а также смешению русскоязычных источников с работами на иностранном языке.

В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Высказанные замечания не являются существенными и не влияют на общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость определяется возможностью использовать представленные наработки в дальнейших тематических исследованиях. Результаты работы могут быть использованы в ходе преподавания на специализированных факультетах. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Лингвокультурные предпосылки в создании новой лексики в антиутопии (на примере лексико-тематической группы «Культурные коды Туниса в произведении Г. А. Махровой «Мой Тунис» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.